

Контрфактивные конструкции в современном английском языке: от биосемиотики к прагматике

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 811.111

Д. Н. Новиков

Аннотация

В статье предлагается трактовка механизма образования значения контрфактивных конструкций с позиций биосемиотики в речевом процессе пословного синтеза высказывания как комбинирования ресурсов языковой системы с целью формирования метазнака, содержанием которого является образ надстройки к реальности как непосредственной нише среды субъекта-наблюдателя. В частности, конструкции с глаголом *would*, глаголами в Past Simple в сочетании с переменными аффордансами (*only*) *if*, *as if*, *as though*, *it's time*, *rather*, *wish* выступают в качестве надёжного способа ориентирования коммуникантов в физической и социокультурной среде и являются основой выведения ими ряда контекстуально обусловленных прагматических смыслов.

Ключевые слова: английский язык, сослагательное наклонение, контрфактивные конструкции, условные предложения, биосемантика, прагматика.

Сослагательное наклонение, в рамках которого, как правило, изучаются контрфактивные конструкции, относится к числу спорных традиционных грамматических категорий в современном английском языке, что побуждает исследователей искать альтернативные концепции, одна из которых лежит в рамках подхода, основанного на трактовке естественного языка как неотъемлемого свойства биологического вида *homo sapiens*, где центральная единица языка — сло-

во — понимается как отправляемый или воспринимаемый организмом устойчивый дискретный сигнал, вызывающий определённые состояния нейронной активности (которые соответствуют осознаваемому человеком ментальному образу формы слова); значение слова формируется в онтогенезе как результат опыта приобретения человеком нового знания в процессе языковой деятельности людей (*англ. languaging*), которая, в свою очередь, соотносится со структурами поведения в их когнитивной области взаимодействий. Эти взаимодействия носят ориентирующий характер и осуществляют биологическую функцию адаптации организма человека к среде, а затем и управления ею. Значение языковых единиц, имея исходно межсубъектный характер, возникает из взаимодействий организма с его нишей в окружающей физической и социокультурной среде, воспринимаемой как его субъективный мир [Кравченко 2021].

Обосновывая в новом свете традиционное для лингвистики противопоставление понятий “язык” и “речь”, И.К. Архипов [Архипов 2009] предложил рассматривать в качестве *речевого значения* единиц языка одномоментную конвенциональную связь между состоянием нервной ткани или его изменением как реакции тела на восприятие формы языковой единицы, а ответ памяти об опыте таких конвенциональных реакций тела считать сутью *системно-языкового значения*, существующего в сознании каждой языковой личности. Опираясь на воззрения П. Линелла, И.К. Архипов справедливо считает языковую систему совокупностью “ресурсов”, или “потенциальных единиц”, понимаемых как “потенциальные состояния тела, натренированные на превращение их в действия и состояния актуальные” и возникающие “на базе жизненного опыта обобщения связей потенциального содержания с повторяющимися определёнными языковыми формами”, ста-

новясь таким образом частью норм и ценностей отдельной языковой личности [Архипов 2012: 492]. Память каждого человека в норме хранит опыт эффективных взаимодействий подобных ресурсов в различных контекстах, а знание о потенциале сочетаний слов распространяется на массу ситуаций номинирования предметов и понятий в рамках картины мира, присущей данной культуре [Архипов 2012: 493], что, по всей видимости, лежит в основе так называемой “коллокационной компетентности” [Палагина, Корницкая 2020] непрерывно развивающейся языковой личности. Так возникают речевые *процессы* комбинирования слов в высказываниях исходя из знания их системных значений [Пузанова 2011; Румянцева 2013], с учётом интенций коммуникантов, их (тема-рематической) перспективы и ситуации общения; кроме того, в лингвистических исследованиях последних лет убедительно обосновывается допустимость весьма высокой степени вариативности речевой семантики единиц языка в зависимости от экспериенциального контекста [см. напр. Фомина 2023].

Рекуррентность таких процессов позволяет говорить о синтаксических категориях, значение которых выявляется в регулярном сопоставлении форм определённых знаков с тем или иным типом контекста, образованного другими означающими сущностями. При этом категориальное значение, согласно А. В. Кравченко, это свойство межзнакового отношения, приобретающего семиотический статус, и грамматическая категория как таковая является видом знака: “...мы ‘выбираем’ те или иные знакоформы ...потому, что мы знаем, как определённые языковые ресурсы обычно работают в определённых ситуациях” [Кравченко 2021: 77–78].

Поскольку модальность, противопоставляемая индикативу в английском языке, неоднородна, традиционное сведение всех не-индикативных конструкций к “сослагательно-

му наклонению глагола” (наряду с повелительным), как представляется, малопродуктивно как для описания современного состояния английского языка с точки зрения понимания и использования подобных конструкций носителями, так и в отношении эффективного обучения им на практических занятиях по английскому языку как иностранному. (Здесь возникает вопрос и о том, насколько вообще наклонение можно и целесообразно считать категорией английского глагола и тем более говорить о каких-либо аналитических формах слова.)

С учётом сказанного, среди не-индикативных конструкций можно выделить и по-иному рассмотреть некоторые традиционные формы английского “сослагательного наклонения”, которые (вслед за С. Иатриду [Iatridou 2000]) можно обозначить как “контрфактивные”, то есть позволяющие коммуникантам указать на некое несоответствие действительному, с их точки зрения, положению вещей. При этом нельзя принять точку зрения о том, что такие конструкции выражают исключительно “нереальные” ситуации: во-первых, для биосемиотики как “новой эпистемологии”, по справедливому замечанию И.А. Каргаполовой, принципиален вопрос не столько о природе знака и его способности “отражать” реальность, сколько вопрос о самой этой реальности, то есть с какой действительностью мы имеем дело и насколько можно считать её “объективной” [Каргаполова 2017: 20] (и судя по всему, языковое измерение играет весьма существенную роль в её формировании), а во-вторых, некоторые эмпирические данные об употреблении подобных синтаксических структур свидетельствуют о вполне, *казалось бы*, реальных ситуациях, как например: *If the patient had the measles, he would have exactly the symptoms he has now. We conclude, therefore, that the patient has the measles* (пример С. Иатриду [Iatridou 2000: 232]. По всей

видимости, контрфактивные конструкции, скорее, реализуют в речевом процессе такую модель сочетания существующих в языке лексических единиц, которая позволяет языковой личности (languager) установить координацию внимания и действий в окружающем её пространственно-временном континууме, которая, очевидно, должна происходить относительно “реальности, надмысливаемой” говорящим как некое возможное расширение своей ниши, которую для краткости условно можно обозначить термином “супрареальность” [Дружинин 2014; Новиков, Дружинин 2017: 57].

Модальность контрфактивных конструкций, таким образом, выражается как некий смысл, задуманный говорящим и восстанавливаемый слушающим, на основе комбинирования лексем в речевом высказывании, а рекуррентность такого комбинирования позволяет возвести их к моделям-конструкциям на уровне языковой картины мира, позволяющим описать состояние окружающей среды, возбуждая реакцию нейронной сети адресата, в результате которой адресату на основе оптимального выбора слов говорящим, их актуальных значений и синтаксических последовательностей удаётся с той или иной степенью изоморфизма воспроизвести видение речевой ситуации адресантом. Образу супрареальности, очевидно, должно соответствовать то или иное состояние нейронной активности человека в момент речепроизводства, которое свидетельствует об отсутствии необходимости воспринимать сигналы в виде языковых форм как ориентиры для описания реального положения соответствующих ниш коммуникантов, что “достигается” связыванием в сознании (как состояние нейронной активности) образа супрареальности с образом конкретных языковых форм, то есть в процессе семиозиса, фактически происходящего в режиме реального времени: *No one would remember the Good Sa-*

maritan if he'd only had good intentions; he had money as well. Или: I tried calling out to them a few times, but they never came. It's not as if they would have heard me anyway — I can't shout like I used to.

Значение контрфактивных конструкций формируется в сознании как производная процессов семиозиса (ответ памяти об опыте конвенциональных ответов тела на сигнал в виде данной формы словосочетаний), связанных с рекуррентным употреблением в рамках предложения-высказывания главным образом формы *would* (системное значение которой, по всей вероятности, связано с указанием на образ образа ожидаемого, потенциального (*happen in the image of the image of the yet-to-come*; он же прослеживается и в так называемой “видовременной форме *Future-in-the-Past*” и “модальном *would*” для выражения повторяющихся действий в прошлом, что исключает наличие омонимии) как противопоставление основному образу прогнозируемого, связываемого с формой *will* — в так называемом “изъявительном наклонении”): *I wish you would believe in me. I have plans for us two that will require mutual trust.* Будучи исходно прошедшей формой глагола *will*, который “помогает” говорящему “спрогнозировать” события “вперед себя” (*I will* — я ‘даю волю’, то есть допускаю возможность реализации того или иного действия), выражая признак субъективного волеизъявления, *would* означает возможность “заглядывания назад” на основе памяти о свершившихся событиях как “воспоминание о предстоящем”. Отсюда — “картинка в картинке”, образ в образе. То же системное значение лежит в основе таких речевых значений *would*, как в предложении: *Little did she know that many years later she would be managing two award-winning museums.* (В момент отсчёта, “зафиксированный в реальности” лица, о котором идет речь в предложении, глаголом *know*, факт “руководства музеями” в этой реально-

сти отсутствует.) Вспоминая свой прошлый опыт, говорящий выступает и в качестве активного наблюдателя событий, которые неоднократно случались с ним (как с наблюдателем), а значит он их предвосхищал: если что-то повторяется, то согласно принципу кругообразности мы вправе ожидать этого вновь [Дружинин 2018]: *It used to be engineers who would work to protect infrastructure and buildings and that role is now being adapted by IT specialists to protect the system.* (Контрфактивный смысл в этом примере выявляется в потенциальном противопоставлении с формой worked: употребленное здесь would work описывает возможно-ожидаемые от него действия в прошлом, без “объявления” факта.)

Таким образом, значение контрфактивных конструкций реализуется по модели использования говорящим глагольной лексемы would и глаголов в прошедшем времени (как “намёк” на “as-if”-реальность, где кто-то (как бы) (с)делал что-то) в сочетании с переменными языковыми аффордансами (only) if, as if, as though, it’s time, rather, wish (аффордансы — факторы и условия среды взаимодействия коммуникантов; “подсказки”, ориентирующие на круг возможных и потенциальных взаимодействий с компонентами ниши, влияющих на выстраивание адекватного ситуации речевого смысла [см. Гурочкина 2020]).

Возвращаясь к приведённому примеру С. Иатриду (*If the patient had the measles...*), можно увидеть, что в нём структурно одна и та же ситуация представлена сначала “контрфактивно” как обобщённая, а затем как конкретная и имеющая место в реальности, что свидетельствует об описании говорящем своего мыслительного процесса: так он обращается к своему предыдущему опыту и поиску в нём потенциальных возможностей для объяснения актуального положения вещей, наблюдаемого им “здесь и сейчас”.

Предложенная модель как присущее языковой личности знание оптимального способа выразить ресурсами языковой системы образ “супрареальности” существует потенциально как результат осмысления всех высказываний-стимулов, полученных извне [Дружинин 2014], и актуализируется на уровне речи в контрфактивных высказываниях как “третий смысл” (содержание знака знаков, то есть метазнака) на синтагматической оси пословного синтеза высказывания и на основе фактически свободного (ограниченного лишь здравым смыслом и знанием семантики слов) комбинирования языковой личностью доступных ей в английском языке ресурсов, что позволяет человеку адекватно ориентироваться в мире.

Однако поскольку любая коммуникация контекстуальна и происходит в конкретных условиях среды, а участники коммуникативного взаимодействия корректируют своё речевое поведение, знания и представления в ходе взаимного ориентирования [Гурочкина 2009; 2020], то когнитивный образ супрареальности может стать новой “точкой отсчёта” в *прагматическом измерении*.

Так, выступая в роли дейктика-аффорданса (в сочетании с синтаксическими и просодическими аффордансами), этот образ может индуцировать дальнейший контекстуальный эффект, заключающийся, с одной стороны, в придании высказыванию иллокутивной силы выражения желания, сожаления, стремления, (вежливой) просьбы и т.д., что, как правило, не вызывает проблем в адекватном понимании и результирующем поведении со стороны адресата (например, *Would you mind opening the window?* — вежливая просьба, представляемая “контрфактивно”, очевидно, с целью компенсации возможного неудобства, причиняемого адресату).

Стоит также упомянуть, что используя контрфактивные конструкции как ресурс для вуалирования различия между

правдой и неправдой, в некоторых типах дискурса (например, политическом, электоральном) [см. Дружинин 2014] адресанты могут предпринимать попытки скрытого воздействия на сознание реципиентов для осуществления контроля и предопределения их действий в среде обитания [подробнее см. Novikov, Druzhinin 2017, Гурочкина 2019].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в современном английском языке конструкции с глаголом *would* выступают в качестве надёжного механизма ориентирования собеседника в физической и социокультурной среде, представляя собой системно-языковой ресурс для выражения в речи несоответствия действительности, ресурс для указания на “будущее в прошлом” с точки зрения наблюдателя “здесь и сейчас”, ресурс для описания повторяющегося действия в образе прошлого, а также (за счёт “перемещения” действий и ситуаций из непосредственной ниши среды субъекта-наблюдателя в “более отдаленную” от него зону супрареальности) ресурс для снижения категоричности высказываний и ресурс для манипулятивного воздействия на поведение адресата.

Список литературы:

1. Архипов И.К. Язык и его функция: смена парадигм научного знания // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 2. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 100–152. [Arhipov, I. K. 2009. Yazyk i ego funkciya: smena paradigm nauchnogo znaniya (Language and Its Function: Changing Paradigms of Scientific Knowledge). *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 2. Irkutsk: BGUEHP. 100–152.]
2. Архипов И.К. Взаимодействие речевого поведения и системы язык: как возникает язык на уровне речи // *Когнитивные исследования языка*. № 12. 2012. С. 489–500. [Arhipov, I. K. 2012. Vzaimodejstvie rechevogo povedeniya i sistemy yazyk: kak vozniakaet yazyk na urovne rechi (On the Interaction of Communica-

- tive Behavior and Language Stance: How Language Emerges from Language). *Kognitivnye issledovaniya yazyka (Cognitive studies of language)*. (12). 489–500.]
3. Гурочкина А.Г. Роль аффорданса и фасцинации в интерпретации языкового значения // *Иностранные языки: Герценовские чтения*. СПб., 2020. С. 149–151. [Gurochkina, A. G. 2020. Rol' affordansa i fascinacii v interpretacii yazykovogo znacheniya (Affordance and Fasciation in the Interpretation of Linguistic Meaning). *Inostrannyye yazyki: Gercenovskie chteniya (Foreign Languages: Herzen Readings)*. SPb. 149–151.]
 4. Гурочкина А.Г. Диалогический дискурс как среда и результат межличностного взаимодействия // *Studia Linguistica (СПб.)*. 2009. № XVIII. С. 43–48. [Gurochkina, A. G. 2009. Dialogicheskiy diskurs kak sreda i rezul'tat mezhlichnostnogo vzaimodejstviya (Dialogic Discourse as a Medium and Result of Interpersonal Interaction) *Studia Linguistica (St. Petersburg)*. XVIII. 43–48.]
 5. Гурочкина А.Г. Скрытые формы речевого воздействия в непрямой коммуникации // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2019. № 192. С. 46–52. [Gurochkina, A. G. 2019. Skrytye formy rechevogo vozdeystviya v nepryamoj kommunikacii (Hidden Forms of Persuasion in Indirect Communication). *The Journal of RGPU n. a. A.I. Herzen*. 192. 46–52.]
 6. Дружинин А. С. Когнитивно-прагматические особенности контрафактивных грамматических конструкций в американском предвыборном дискурсе 2000–2014 гг.: дисс.... к. филол. н. М., 2014. 181 с. [Druzhinin, A. S. 2014. *Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti kontrafaktivnykh grammaticheskikh konstrukcij v amerikanskom predvybornom diskurse 2000–2014 gg. (Cognitive and Pragmatic Features of Counterfactual Grammatical Constructions in American Election Discourse 2000–2014)*. М.]
 7. Дружинин А. С. Почему глагол would “будущий в прошедшем”, модальный и сослагательный в одном лице? // *Иностранные*

- языки в школе. 2018. № 6. С.62. [Druzhinin, A. S. 2018. Pochemu glagol would “budushchij v proshedshem”, modal’nyj i soslagatel’nyj v odnom litse? (Why Is the Verb “Would” Future-in-the-past, Modal and Subjunctive All in One?) *Inostrannye yazyki v shkole (Foreign languages at school)*. 6. P. 62.]
8. Каргаполова И.А. Лингвистические мифы как объект биосемиотического исследования. Памяти И.К. Архипова // *Studia Linguistica*. Вып. XXVI. Актуальные проблемы современной филологии. Сб. науч. трудов. СПб.: Политехника-сервис, 2017. С. 13–25. [Kargapolova, I. A. 2017. Lingvisticheskie mify kak ob’ekt biosemioticheskogo issledovaniya. Pamyati I.K. Arkhipova (Linguistic Myths as an Object of Biosemiotic Research. In memory of I.K. Arkhipov). *Studia Linguistica. Aktual’nye problemy sovremennoj filologii (Topical Issues of Modern Philology)*. XXVI. SPb. 13–25.]
 9. Кравченко А.В. Открывая язык заново: От нереалистичной лингвистики к реальной науке о языке. От структурализма и когнитивизма – к экологическому реализму. (Новая повестка дня в языкознании.) М.: ЛЕНАНД, 2021. 432 с. [Kravchenko, A. V. 2021. *Otkryvaya yazyk zanovo: Ot nerealistichnoj lingvistiki k real’noj nauke o yazyke. Ot strukturalizma i kognitivizma — k ehkologicheskomu realizmu. (Novaya povestka dnya v yazykoznanii)* (Rediscovering Language Anew: From Unrealistic Linguistics to the Real Science of Language. From Structuralism and Cognitivism to Ecological Realism. (New Agenda in Linguistics)). М.: LENAND.]
 10. Новиков Д.Н., Дружинин А.С. К определению системного значения форм сослагательного наклонения в современном английском языке: биокогнитивный подход // Герценовские чтения. Иностранные языки. 2017. С. 56–57. [Novikov, D.N. & Druzhinin, A. S. 2017. K opredeleniyu sistemnogo znacheniya form soslagatel’nogo nakloneniya v sovremennom anglijskom yazyke: biokognitivnyj podkhod (Identifying the Systemic Meaning of the Subjunctive Mood Forms in Modern English: Biocognitive Ap-

- proach). *Gercenovskie chteniya. Inostrannye yazyki (Herzen Readings: Foreign Languages)*. 56–57.]
11. Палагина О.И., Корницкая А.Б. О лингводидактическом потенциале интернет-ресурсов в формировании коллокационной компетенции студентов при изучении иностранного языка // Образование. Культура. Общество. Сб. статей. 2020. С. 31–35. [Palagina, O.I. & Kornitskaya, A.B. 2020. O lingvodidakticheskom potencie internet-resursov v formirovanii kollokacionnoj kompetencii studentov pri izuchenii inostrannogo yazyka (On Linguodidactical Potential of Web Resources in Developing Students' Collocational Competence in Studying a Foreign Language). *Obrazovanie. Kul'tura. Obshchestvo (Education. Culture. Society)*. 31–35.]
 12. Пузанова Н.А. Содержательное ядро слова синонима как способ семантической дифференциации в системе языка // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 11 (130). С. 89–93. [Puzanova, N. A. 2011. Soderzhatel'noe yadro slova sinonima kak sposob semanticheskoy differenciacii v sisteme yazyka (The Content Core of a Synonymous Word as a Way of Semantic Differentiation in the Language System). *Journal of Orenburg State University*. 11 (130). 89–93.]
 13. Румянцева А.С. Соотношение системных и речевых значений многозначных прилагательных в истории английского языка (на материале прилагательных strong, hard, tough). Автореф. дисс.... канд. филол. наук. СПб, 2013. 21 с. [Rumyantseva, A.S. 2013. *Sootnoshenie sistemnykh i rechevykh znachenij mnogoznachnykh prilagatel'nykh v istorii anglijskogo yazyka (na materiale prilagatel'nykh strong, hard, tough) (Correlation of System-based and Discourse-related Meanings of Polysemous Adjectives in the History of the English Language (A case-study of the adjectives 'strong', 'hard', and 'tough'))*. SPb.]
 14. Фомина Т.А. Контекстно обусловленная вариативность значения слова на оси “эвфемия — дисфемия” в современном

английском языке (на материале англоязычного кинодискурса) : дисс... канд. филол. н. Москва, 2023. 169 с. [Fomina, T.A. 2023. *Kontekstno obuslovlennaya variativnost' znacheniya slova na osi "ehvfemiya — disfemiya" v sovremennom anglijskom yazyke (na materiale angloyazychnogo kinodiskursa) (Context-specific Variation of Word Meaning on the 'Euphemism — Dysphemism' Axis in Modern English — Evidence from English-language Cinematic Discourse)*. М.]

15. Iatridou, S. 2000. The Grammatical Ingredients of Counterfactuality. *Linguistic Inquiry*. 31. 231–270.
16. Novikov, D. N. & Druzhinin, A. S. 2017. Subjunctive Mood in Modern English: Cognitive Base and Pragmatic Potential of Grammar Structures Invoking Suprareality. *International Cognitive Linguistic Conference: Linguistic Diversity and Cognitive Linguistics*. 405.

Сведения об авторе:

Новиков Дмитрий Николаевич, к. филол. н., доцент,
МГИМО МИД России, Москва, Россия;
email: dnnovikoff@mail.ru

COUNTERFACTUAL CONSTRUCTIONS IN MODERN ENGLISH: FROM BIOSEMIOTICS TO PRAGMATICS

Dmitry N. Novikov

Candidate of Philology, Associate Professor, MGIMO University,
Moscow, Russia;
email: dnnovikoff@mail.ru

Abstract

The article treats the mechanism of meaning formation of counterfactual constructions in modern English by applying a biosemiotic approach to word-for-word utterance incrementation

regarded as combining language resources in discourse. Such constructions constitute the form of a meta-sign, whose content bears the image of superstructure to reality being the observer's environment niche. Particularly, constructions with the verb *would* and verbs in the Past Simple in combination with the variable affordances (*only*) *if, as if, as though, it's time, rather, wish* operate as a reliable tool of orienting communication partners in their physical and socio-cultural environment and provide the basis for them to construct a number of context-specific pragmatic meanings.

Keywords: English, subjunctive mood, counterfactual constructions, conditionals, biosemiotics, pragmatics.